

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20180217
УДК 94(47).073.5

Д.Ю. ПЛОТНИКОВ

СОКРУШЕНИЕ ПРОТИВ ИЗМОРА: БЛОКАДА КАРСА В 1855 г. В СВЕТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, д. 8.

Статья посвящена блокаде турецкой крепости Карс в кампанию 1855 г. в Крымской войне 1853–1856 гг. Изучение эпизода позволяет пролить свет на представления русского и английского командования – конкретно генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева и бригадного генерала Ф. Вильямса – о стратегическом характере Крымской войны. Установлено, что мышление Н.Н. Муравьева, лежавшее в русле наполеоновской догмы и стратегии сокрушения, вынуждало его придавать чрезмерное значение силам противника в Карсе. Напротив, Ф. Вильямс сумел понять, что война протекает в русле стратегии измора с ограниченными целями и соответствующим образом организовал оборону Восточной Анатолии. В результате устаревшие представления русского командования о стратегии, не отвечавшие условиям Крымской войны, не позволили войскам Отдельного Кавказского корпуса полностью реализовать свои возможности в ходе кампании 1855 г.

Ключевые слова: Крымская война, Кавказский ТВД, стратегия сокрушения, стратегия измора, Н.Н. Муравьев, Ф. Вильямс.

D.YU. PLOTNIKOV

ANNIHILATION VS. ATTRITION: KARS' BLOCKADE IN 1855 IN THE LIGHT OF STRATEGIC PERCEPTION OF RUSSIAN AND ENGLISH COMMAND

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to establish the influence of the Russian and English strategic perceptions exerted in the course of the blockade of Kars over the planning, the conduct of operations, and the results of the 1855 Caucasian campaign of the Crimean War of 1853–1856. The existing historiography of the Crimean War at the Caucasian theater of operations tends to create factual accounts or review tactical and operational methods, or the armies involved. However, the existing body of research does not complement the tactical and operational criticism with the analysis of the opposing side's strategic perceptions. The article is based on the dialectical approach to the history of the military art, introduced by Hans Delbrück, who viewed the evolution of military art as the interaction of two opposing principles – annihilation and attrition. When applied to the analysis of Kars' blockade in 1855, this approach allows establishing that the Russian command represented by N.N. Muraviev, the general of infantry, the Commander of the Separate Corps and the Viceroy of the Caucasus, was trapped within the paradigm of annihilation going back to Napoleonic Wars. Because of this approach, the Russian general devoted all his attention to Kars' blockade, which had harbored the greater portion of Turkish Anatolian Army. As a result, he generally ignored another important operational objective – Erzurum, the capital of the Eastern Anatolia and the city of considerable economic, political and strategic importance. On the other hand, the allied side represented by the British brigadier-general F. Williams, demonstrated more flexible

Дмитрий Юрьевич Плотников – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: d.plotnikov@alumni.nsu.ru
Dmitrii Yu. Plotnikov – postgraduate student, Institute of History SB RAS.

strategic thinking that allowed perceiving conflict through the lens of the strategy of attrition with limited goals. This approach, combined with the understanding of the weaknesses of the Russian strategy, ensured more effective warfare on the Allied side and allowed keeping such an important asset as Erzurum until the campaign end, ultimately, until the peace negotiations.

Key words: Crimean War; Caucasian theater of operations, strategy of annihilation, strategy of attrition, N.N. Muraviev, F. Williams.

История военного искусства – это история эволюции теории и практики ведения войн. По справедливому замечанию К. Клаузевица, «всякая эпоха имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия, свои собственные затруднения» [1, с. 535]. В Новое время почти каждая большая война становится самостоятельной эпохой в военном отношении. Это в полной мере относится к Крымской войне 1853–1856 гг. Первый с 1815 г. конфликт великих держав продемонстрировал необходимость новых подходов к военному искусству, показав несоответствие наполеоновской стратегии новым условиям.

Для анализа стратегических различий между наполеоновскими войнами и Крымской войной наилучшим образом подходит метод Ганса Дельбрюка, рассматривавшего стратегию как диалектическое взаимодействие двух принципов – сокрушения и измора. Стратегия сокрушения стремится «разыскать главные силы противника, их разбить и развивать преследованием победу» [2, с. 204], пока побежденный не примет любых условий. Стратегия измора же направлена «не столько на то, чтобы сокрушить неприятеля, сколько на то, чтобы путем нанесения ему ударов и ущерба всякого рода довести его до такого упадка и утомления, что он ... предпочтет принять условия победителя» [2, с. 204]. При этом необходимо отметить, что и сокрушение, и измор могут преследовать как самые решительные, так и ограниченные цели, поэтому для всякой войны надо уяснить не только ее стратегическое содержание, но и масштаб преследуемой политической цели.

Наполеон, с его стремлением к полному уничтожению вражеских войск и неприятельской способности к сопротивлению, дал миру ярчайший образец стратегии сокрушения. Однако уже в середине XIX в. принципы наполеоновской стратегии оказались малопригодными в условиях иной войны. Стратегическая действительность вступила в конфликт с господствующей теорией, и от способности воюющих сторон руководствоваться реальным содержанием войны, а не вынесенными из другой эпохи заветами, зависела и мера их успеха. Блокада крепости Карс в кампанию 1855 г. на Кавказском театре военных действий представляет в этом отношении большой интерес. Поэтому цель статьи – установить, как блокада Карса иллюстрирует стратегическое мышление русского и английского командования и как это мышление сказалось на ходе кампании.

Историография неоднократно обращалась к блокаде Карса в 1855 г. М.И. Богданович описал разногласия, возникшие в англо-турецком лагере по поводу обороны крепости, указав, что Карс был важен исключительно как пункт сосредоточения вражеских сил, и не упустил из виду, что Эрзерум также был потенциальной целью [3, с. 581]. Е.В. Тарле [4, с. 481] и Х.-М. Ибрагимбеи [5, с. 268] отметили, что именно Карс находился в центре внимания обеих воюющих сторон. С этим согласился и Н.В. Скрицкий, хотя характеристика Карса как «оплота Малой Азии» [6, с. 369] – явное

преувеличение. Л.Г. Бескровный указал, что решение о действиях против Карса было принято, «учитывая дислокацию турецких сил» [7, с. 281], подчеркнув внимание русского командования исключительно к полевым войскам противника, с чем согласился и А.В. Шишов [8, с. 422–423; 9, с. 348–349]. У.Э.Д. Аллен и П.П. Муратов осудили союзное командование за сосредоточение сил в Карсе вместо обороны Соголангского хребта [10, р. 85]. Наконец, Дж. Ш. Кертисс [11, р. 411] и В.В. Дегоев [12, с. 261] указали, что Отдельный Кавказский корпус мог успешно наступать в направлении Эрзерума, но не воспользовался этой возможностью.

Таким образом, историки соглашались, что для русской стороны Карс не имел самостоятельной ценности и был важен лишь как пункт сосредоточения турецких войск. С этой точки зрения решение его оборонять было ошибочно, но и русские войска не сумели добиться максимального успеха, связанного с наступлением на Эрзерум. Попытки проанализировать оборону Карса через стратегические представления противостоящих сторон не предпринимались. Одним из немногих авторов, рассматривавших Крымскую войну в контексте стратегического мышления сторон и диалектики сокрушения и измора, был А.А. Свечин [13, с. 43–44], но его работа не включала анализ военных действий в Закавказье.

После поражений 1854 г. фактическое руководство турецкой Анатолийской армией осуществлял полковник (позднее бригадный генерал) британской армии Ф. Вильямс. С русской стороны ему противостоял генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев – наместник Кавказский и командующий Отдельным Кавказским корпусом. На причерноморском Батумском направлении находились турецкая группировка до 8 тыс. чел. [14, с. 83] и русский Гурийский отряд – 10 тыс. чел. при 28 орудиях [4, с. 620]. Главные силы русских войск – 34 500 чел. при 88 орудиях [15, с. 341–342] – сосредоточивались в Ахалцихе и Александрополе; на Баязетском направлении располагался Эриванский отряд в 5 тыс. чел. при 8 орудиях [16, с. 277–278]. Большая часть турецких сил – 16 900 чел. в регулярных войсках [17, р. 4], 800 вооруженных местных жителей [17, р. 12] и нерегулярные части [18, р. 82–83] – сосредоточилась в Карсе, а до 6 тыс. чел. с 16 орудиями прикрывали путь на Эрзерум со стороны Баязета [4, с. 579]. Не вызывало сомнений, что русским предстояло наступать, а туркам – обороняться; вопрос состоял лишь в том, на каком рубеже Анатолийская армия встретит противника.

В этом отношении союзники имели два варианта. При вынесении рубежа обороны вперед, к русской границе, возможными узлами обороны становились крепости Ардаган и Карс и ряд укрепленных позиций в долине Верхнего Евфрата на дороге из Баязета в Эрзерум. Поскольку из всех этих пунктов сильными фортификациями отличался лишь Карс, укрепленный усилиями англичан [18, р. 52–58], то при выборе передового рубежа он становился главным очагом сопротивления. Второй вариант подразумевал пе-

ренос обороны в глубину, на тактически более выгодный рубеж – горный хребет Соганлуг. Он преграждал две кратчайшие дороги от Карса на Эрзерум, в то время как кружные пути через Ольту и Баязет были существенно длиннее и не имели больших удобств. Горные перевалы представляли серьезные преимущества для обороны, но выбрать этот рубеж означало без боя уступить русской армии Ардаган, Карс и Баязет. Тактически Соганлуг был предпочтителен, но выбор в пользу одного из вариантов предстояло делать на основании его стратегических достоинств.

Из развертывания сил турок очевидно, что Вильямс сделал выбор в пользу передового рубежа и конкретно Карса. Однако далеко не все разделяли его мнение. Османские полководцы, терпевшие поражения два года подряд, стремились закрепиться на максимально сильной позиции и потому тяготели к обороне Соганлуга. Еще в конце мая *мушир* (командующий) Анатолийской армии Васиф Мехмед-паша порывался оставить Карс и отступить в направлении Эрзерума [17, р. 7]. Прибывшему в крепость Вильямсу пришлось употребить «все меры, чтобы пробудить энергию мушира» [17, р. 8] и переубедить его. Курс на оборону Карса приходилось проводить в борьбе, и держался он только на воле и авторитете Вильямса – очевидно, что для английского генерала это решение имело принципиальное значение.

Генералу Муравьеву оно представлялось весьма странным. Пеня Вильямсу за намерение отстаивать крепость до последнего вместо того, чтобы держаться на горных перевалах, и указывая, что только сосредоточение турецких войск придавало Карсу оперативное значение, историки воспроизводят точку зрения и аргументацию наместника Кавказского. Тот отмечал, что расположенный на равнине Карс не представлял, в отличие от горных цепей Восточной Анатолии, больших удобств для обороны. Крепость была ценна как опорный пункт для турецкого наступления вглубь русского Закавказья [19, с. 328], но никоим образом не блокировала путь в сердце Восточной Анатолии. С точки зрения Муравьева, Карс приобрел ценность лишь после того, как Вильямс запер в нем 20-тысячный гарнизон: «с приобретением сей крепости, не ключ приобретали мы к Малой Азии, а поражали все действующие силы неприятеля» [19, с. 330]. Недаром в перечне оперативных целей Муравьева Эрзерум фигурирует без уточняющих комментариев, а вот соседствует с ним не просто Карс, а «Карс с турецкой армией» [20, с. 53]. Эрзерум важен уже своим стратегическим положением, в то время как Карс ценен для Муравьева исключительно как пункт сосредоточения вражеских сил.

Муравьев счел бы действия Вильямса более разумными, если бы тот решил уступить Карс без боя. Тогда он мог встретить русские войска на сильной позиции, штурмовать которую в отсутствие большого численного превосходства было бы рискованно. «Подкрепления из Эрзерума могли бы, по частям, беспрепятственно присоединяться к анатолийской армии и усилить ее до такой степени, что она, может быть, в состоянии была бы ... перейти в наступление... К чему бы нам послужил тогда Карс?» [19, с. 330]. Преимущества позиции на Соганлуге были для Муравьева очевидны, и решение Вильямса вынести рубеж обороны к Карсу русский генерал и его историографические последователи считают ошибкой.

Такой подход вполне справедлив с точки зрения наполеоновской стратегии сокрушения. Действительно, при этом уничтожение вражеских вооруженных сил [1, с. 31] приобретает ключевое значение. Муравьев считает Анатолийскую армию главной целью кампании и полностью пренебрегает Карсом как таковым – для сокрушения, требующего «признать ничтожными все второстепенные интересы и направления, все географические объекты» [21, с. 174], существуют лишь вражеские войска. Преимущества Соганлуга также бесспорны с наполеоновской точки зрения. Муравьев подчеркивает, что «туркам предстояло бы тогда оборонять внутреннюю линию огражденную природою, против сил, наступающих с двух совершенно разъединенных сторон» [21, с. 330] – иными словами, оперировать против отдельных группировок противника, пользуясь внутренним положением. Именно такие действия по внутренним линиям были кредо Наполеона I, и четкий отпечаток его военного искусства лежит на восприятии обстановки генералом Муравьевым в 1855 г.

Но если согласиться с таким подходом, то остается неясным, почему именно Карс сыграл в итоге столь важную роль на завершающем этапе войны? Почему крепость, не имевшая с точки зрения русской стратегии самостоятельного значения, оказалась самым ценным активом русской дипломатии на мирных переговорах, фактически вернувшим России Севастополь?

Эта проблема так и останется неразрешимой, пока вопрошающий не сойдет с почвы наполеоновского сокрушения и не взглянет на вопрос с более широкой – диалектической – перспективы. В 1853–1856 гг. ни один объективный фактор не располагал к переходу стратегии на рельсы сокрушения. Как отмечал А. Свечин, «несходство двух противников – морская и сухопутная державы – ведет к измору» [3, с. 43], исключая возможность смертельного удара. После вступления в войну Великобритании и Франции русской стороне пришлось отказаться от планов раздела турецких владений, сведя свои усилия к борьбе за сохранение *status quo*. Цели союзников в основном достигались через уничтожение русского Черноморского флота и его базы и также не требовали каких-либо экстраординарных успехов. Главной точкой приложения сил становился географический пункт – Севастополь, а не армии одной из воюющих сторон. Во всех без исключения отношениях Крымская война была войной на измор, причем с ограниченными целями.

Стратегическая природа борьбы властно накладывала свой отпечаток на характер военных действий. Для воюющих держав в 1853–1856 гг. полное подавление вражеской способности к сопротивлению было заведомо невозможно, а условия мира не сводились к требованию безоговорочной капитуляции, являясь предметом торга. В этой ситуации политические требования подталкивали стратегию не к погоне за вражеской армией, а к борьбе за ценные залого, имеющие значение на переговорах. На роль таких залогов лучше всего подходили «географические пункты, олицетворяющие политические и экономические интересы» [3, с. 181], значение которых в стратегии измора повышается многократно, особенно с поправкой на ограниченные цели. В этом свете главной задачей Вильямса было сохранить не Анатолийскую армию, а выгодную конфигурацию фронта, не отдающую в руки

русским никаких важных географических пунктов. Ему требовалось удерживать Эрзерум и Карс как можно дольше – хотя бы до падения Севастополя, позволявшего союзникам выдвинуть условия мира и оказать помощь Анатолийской армии. В идеале же успешная оборона должна была продолжаться до самых мирных переговоров, чтобы у русской стороны не было на них кавказских козырей.

Такая задача требовала выноса обороны на самый передний рубеж. Стратегия должна была подчиниться политике; отстаивать Карс, неудобный для обороны, но политически ценный, требовалось до последней крайности – недаром о судьбе крепости так беспокоился министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон [13, с. 263]. Свою работу Вильямс выполнил на совесть, и лишь железная воля Муравьева, продолжившего блокаду крепости даже после неудачного штурма 17 (29) сентября и прибытия новых турецких войск на черноморское побережье, позволила русским войскам добиться сдачи обессиленного гарнизона и взять Карс.

Напротив, отступив на более выгодный с чисто военной точки зрения Соганлуг, Вильямс без боя отдал бы русским важный козырь, причем в самом начале кампании, задолго до вступления союзников в Севастополь и возможности как мирных переговоров, так и помощи из Крыма. Русская дипломатия без всяких усилий получила бы от Кавказского ТВД необходимый минимум, что едва ли могло устроить союзников. В условиях измора с ограниченными целями оценка ситуации Н.Н. Муравьевым переворачивалась с ног на голову. Не Карс оказывался бесполезным для русских при наличии еще не разбитых турецких войск, а, напротив, Анатолийская армия, заботливо сбереженная на Соганлуге для так и не состоявшегося решающего столкновения, имела бы весьма невысокую ценность на мирных переговорах в сравнении с отданным русской стороне Карсом.

Тот факт, что Вильямс лучше понял характер борьбы и вытекающие из него требования, давал ему преимущество. Сосредоточив в Карсе 20-тысячный гарнизон, англичанин создал идеальную приманку для мыслившего наполеоновскими категориями Муравьева. Сам Вильямс, даже посвящая массу усилий обороне Карса, никогда не упускал из виду другой ценнейший залог – Эрзерум. Так, еще в сентябре 1855 г. он приказывал служившим там английским офицерам не распылять усилий на попытки выручить Карс, а сосредоточиться на обороне города от возможных покушений с русской стороны [16, р. 176]. Муравьев же, верный заветам Наполеона, оставался слеп ко всему, кроме «решительного пункта», которым для него был Карс как средоточие турецких войск. В результате он дважды в ходе кампании (Еникейская операция в июне и Кеprюкейская – в июле) имел возможность взять Эрзерум, но не воспользовался ею ни разу. Примечательно, что Вильямс, видимо, разгадал мышление своего визави. В июле 1855 г., когда многие опасались весьма реальной угрозы Эрзеруму, английский генерал хранил олимпийское спокойствие, заявляя, что русские намереваются не брать город, а лишь опустошить местность [16, р. 62]. По всей видимости, Вильямс понял, что, имея в тылу еще не разбитые главные силы противника, Муравьев не станет размениваться на географические объекты, как бы того ни требовала политика; и это знание наверняка

только подтвердило правильность его первоначального решения оборонять Карс.

Непонимание стратегической природы войны всегда отрицательно сказывается на предпринимаемых усилиях. Ограниченные действия стратегии измора связывают волю противника гораздо меньше, чем грозящее смертельным ударом сокрушение [3, 181], и при понимании этого принципа Муравьев мог бы, блокировав Карс, направить к Эрзеруму более осмысленные и решительные усилия. Вместо этого он воздвиг себе решительный пункт в лице Карса, чем связал себя по рукам и ногам, словно война шла в рамках сокрушения – просто потому, что мыслить в другой плоскости русский генерал не умел. В русской, как, впрочем, и французской [14, с. 65–66] стратегической теории, безраздельно господствовало наполеоновское сокрушение, и некритическое следование его заветам в совершенно иной обстановке могло вести только в тупик.

Англичане в этих условиях оказались лучше других готовы воспринимать Крымскую войну как войну на измор с ограниченными целями. Объяснять это следует не стратегической дальновзоркостью британцев, позволившей им подняться до диалектического подхода к стратегии, а, скорее, полным отсутствием у них общепринятой стратегической теории – верной или ошибочной – вообще [22, р. 307–311]. В итоге в английской армии не могло быть и предрасположенности к сокрушению, тяготевшей над армиями континентальных держав. Парадоксально, но именно благодаря такой теоретической отсталости стратегическое мышление Вильямса оказалось более гибким, чем у его противника. Ригидность же русского стратегического мышления, успешно использованная противником, не позволила Отдельному Кавказскому корпусу вполне реализовать свои возможности в ходе кампании 1855 г.

Как видно, решение Ф. Вильямса оборонять Карс в кампании 1855 г. было вполне оправданным, поскольку наилучшим образом отвечало характеру войны. Непонимание этого решения со стороны некоторых современников и последующих историков объясняется мышлением в духе стратегии сокрушения, не соответствовавшей условиям Крымской войны. Разумеется, при ведении войны на сокрушение решение Вильямса запереться в Карсе было бы столь же преступным, как и пассивность маршала Базена под Мецем в 1870 г. В условиях же измора это был взвешенный и обдуманный риск. Из-за нерасторопности союзников и упорства Муравьева он оправдался не до конца и привел Вильямса к оперативному поражению, но стратегическая победа осталась за ним. Вынеся рубеж обороны на передний край, Вильямс успешно сковал главные силы Действующего корпуса, выигрывал время до последнего и, даже потеряв Карс, сохранил еще более важный залог – Эрзерум. Напротив, Муравьев, следуя заветам наполеоновской стратегии, оставался слеп ко всему, кроме неприятельских войск, тем самым ограничив собственные успехи. Карсская эпопея 1855 г. демонстрирует, как догматизация наполеоновского военного искусства воспрепятствовала русскому генералу в верной оценке стратегической обстановки и как представитель английской армии, не имевший подобной предрасположенности к сокрушению, оказался способен стратегически переиграть своего соперника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаузевиц К. О войне. М., 1934. 649 с.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. IV: Новое время. 368 с.
3. Богданович М.И. Крымская война, 1853–1856 гг. М., 2014. 672 с.
4. Тарле Е.В. Крымская война. М.; Л., 1944. Т. 2. 720 с.
5. Ибрагимбеили Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971. 404 с.
6. Скрицкий Н.В. Крымская война. 1853–1856 годы. М., 2006. 416 с.
7. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. 361 с.
8. Шишов А.В. Полководцы Кавказских войн. М., 2001. 559 с.
9. Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007. 480 с.
10. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953. 614 p.
11. Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979. 597 p.
12. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы, 1829–1864. Политика, война, дипломатия. М., 2009. 560 с.
13. Свечин А. Эволюция военного искусства. М.; Л., 1928. Т. 2. 619 с.
14. Турция, ее правительство и ее армии во время Восточной войны // Военный Сборник. 1861. Т. 18, № 3. С. 43–114.
15. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI. 1020 с.
16. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. 451 с.
17. The Siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. L., 2000. 261 p.
18. Lake A. Narrative of the defense of Kars historical and military. L., 1857. 346 p.
19. Карсаков А. Из записок генерал-лейтенанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии // Русский вестник. 1862. №1. С. 310–341.
20. Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877. Т. 1. 328 с.
21. Свечин А. Стратегия. М., 1927. 263 с.
22. Strachan H. Soldiers, strategy and Sebastopol // The Historical Journal. 1978. N 2. P. 307–311.
2. Delbrück H. History of the military art in the framework of political history. St. Petersburg, 2001, vol. 4: Modern times, 368 p. (In Russ.)
3. Bogdanovich M.I. Crimean War, 1853–1856. Moscow, 2014, 672 p. (In Russ.)
4. Tarle E.V. Crimean War. Moscow; Leningrad, 1944, vol. 1, 720 p. (In Russ.)
5. Ibragimbeili H.M. The Caucasus in the Crimean War of 1853–1856. Moscow, 1971, 404 p. (In Russ.)
6. Skritskii N.V. Crimean War. 1853–1856. Moscow, 2006, 416 p. (In Russ.)
7. Beskrovnyi L.G. Russian military art of the XIX century. Moscow, 1974, 361 p. (In Russ.)
8. Shishov A.V. The Generals of the Caucasian Wars. Moscow, 2001, 559 p. (In Russ.)
9. Shishov A.V. The struggle for Caucasus. XVI–XXI centuries. Moscow, 2007, 480 p. (In Russ.)
10. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953, 614 p.
11. Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979, 597 p.
12. Degoev V.V. The Caucasus and the Great Powers, 1829–1864. Politics, war, diplomacy. Moscow, 2009, 560 p. (In Russ.)
13. Svechin A. The evolution of military art. Moscow; Leningrad, 1928, vol. 2, 619 p. (In Russ.)
14. Turkey, its government, and its armies during the oriental war. *Voyennyy sbornik*, 1861, vol. 18, no. 3, pp. 43–114. (In Russ.)
15. The acts of the Caucasian archeographical commission. Tiflis, 1888, vol. 11, 1020 p. (In Russ.)
16. Likhutin M.D. The Russians in Asiatic Turkey in 1854 and 1855. St. Petersburg, 1863, 451 p. (In Russ.)
17. Williams W.F. The siege of Kars, 1855: defence and capitulation. L., 2000, 260 p.
18. Lake A. Narrative of the defense of Kars historical and military. L., 1857, 346 p.
19. Karsakov A.M. Lieutenant-general Muraviev's notes on the war of 1855 in Asia Minor. *Russkiy vestnik*, 1862, no. 1, pp. 310–341. (In Russ.)
20. Muraviev N.N. The war over the Caucasus in 1855. St. Petersburg, 1877, 338 p. (In Russ.)
21. Svechin A. Strategy. Moscow, 1927, 263 p. (In Russ.)
22. Strachan H. Soldiers, strategy and Sebastopol. *The Historical Journal*, 1978, no. 2, pp. 307–311.

REFERENCES

1. Clausewitz C. On war. Moscow, 1934, 649 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.03.2018